

Двойник: к семантике мифологического образа

© Н.А. КРИНИЧНАЯ,
доктор филологических наук

В статье на фольклорно-этнографическом материале раскрываются истоки и семантика образа двойника. Этот персонаж представлен как воплощение души, которая может покидать тело человека, пребывающего в состоянии перехода: полудремоты, сна, болезни, агонии, смерти. Выход души из тела стимулируется мыслью и словом. Образ двойника рассматривается в контексте представлений о мифическом предке-родоначальнике.

Ключевые слова: мифологический рассказ, двойник, знакомый незнакомец, душа, тело, переходное состояние, персонификация, трансформация.

Объектом рассмотрения в данной статье служит фольклорно-мифологический сюжет, условно названный нами «знакомый незнакомец». Это один из самых распространенных в несказочной прозе сюжетов. Его модель проявляется в различных циклах быличек и бывальщин: о лешем, водяном, домовом. Тем самым ни первым, ни вторым, ни третьим данный персонаж, строго говоря, не является.

Содержание интересующего нас сюжета незамысловато: крестьянин встречает знакомого, нередко идет с ним в одном направлении; вступает / не вступает с этим человеком в диалог; получает / не получает от него ответ на насущные вопросы; однако, вернувшись в свою деревню, крестьянин убеждается, что человек, которого он повстречал, в то время там не бывал и быть не мог. Так кто же этот загадочный двойник?

Представления о знакомом незнакомце основываются на моделирующей оппозиции. Составляющие этой оппозиции, с одной стороны, полярны по отношению друг к другу, а с другой, имеют между собой внутреннюю связь. В фольклорно-мифологическом контексте бинарная оппозиция *свой-чужой* приобретает расширительное значение. Ее вторая часть может подменяться понятиями «иной» и «другой». Обусловленная дуальной символической классификацией, эта оппозиция соотносится со множеством противоположностей: *знакомый-незнакомый, внутренний-внешний, реальный-мифический, видимый-невидимый, материальный-духовный, телесный-бесплотный, живой-мертвый, посясторонний-потусторонний* и пр. Эти оппозиции могут не только заменяться, но

и перекрываться или даже в некоторых случаях нейтрализоваться друг другом. И все же связанный с ними образ основан преимущественно на динамическом равновесии присущих ему семантических признаков.

Знакомый незнакомец, или двойник, – это мифическое существо, сверхъестественный аналог человека, имеющий с ним полное сходство (черты лица, фигура, рост, даже физические увечья, равно как и походка, жесты и голос) или же внешне очень похожий на данного человека. В любом случае он осмысливается как подставное лицо. В процессе текстологического анализа названного сюжета выясняется, что двойник является неким средоточием жизненной силы, или души, того субъекта, копией которого он оказывается.

Подобный образ обусловлен представлениями о двух сущностях человека – материальной и духовной, а также верой в возможность раздвоения и удвоения индивида. Эта вера подспудно живет и в языковой стихии, когда человек, скажем, заявляет, что в тот или иной момент по какой-либо причине он был *сам не свой, сам без себя*. В этом свете знакомый незнакомец – это «вторая половина» индивида, отделенная от него в качестве самостоятельного персонажа. Причем в мифологических рассказах второй «он» заметно преобладает над вторым «я», что значительно увеличивает дистанцию между очевидцем происшествия и знакомым незнакомцем – двойником родственника, соседа, односельчанина. Из сказанного следует, что интересующий нас образ вписывается в круг фундаментальных проблем, связанных с дуалистической философией и мифологической антропологией как основой мировосприятия наших далеких предков.

При анализе материала выясняется, что для формирования образа двойника, имеющего многие разновидности, в традиции сложились определенные предпосылки. В архаическом сознании малознакомый, а тем более незнакомый человек, по сути, не дифференцирован от мифического существа. Иначе говоря, человек, который принимается участниками происшествия за знакомого и который на поверку им не оказывается, осмысливается, хотя и с сомнениями, как мифическое существо. Тем более, что такое понятие, как «обознаться», в арсенале архаического мышления полностью отсутствует.

Фигура мифического двойника возникает в измененном состоянии сознания, специфически отличном от нормального. Чаще всего такое состояние обусловлено кризисной ситуацией, атрибутика которой стимулирует формирование образа знакомого незнакомца. С другой стороны, становление этого образа детерминировано особенностями архетипического мировосприятия, выработанного коллективным бессознательным и присущего носителям мифологической традиции.

Образы двойников имеют анимистические истоки. В данном случае это дух или свободная душа (психе) того человека, чей облик она при-

нимает [1]. С подобной разновидностью персонажей у древних людей были связаны представления о двойнике, находящемся внутри человека, но способном временно отлучаться, странствовать по земле, бывать в мире духов и снова возвращаться в тело человека. Это внешняя, или свободная, душа, наделенная способностью повторять действия своего владельца. В архаических этнокультурных традициях наблюдается полное соответствие двойника оригиналу: душа – «вылитый и подлинный двойник человека во всех отношениях, умственном, нравственном и физическом» [2].

Душа может на какой-то срок покидать тело человека во время сна, болезни, обмирания, агонии. «Дак души нету», – говорят в таких случаях рассказчики [3. 201. N 218]. Оставленное душой тело, согласно древнему мировосприятию, продолжает жить, поскольку она одушевляет человеческое тело и на расстоянии. У людей-двоедушников тело покидает лишь одна из душ, другая остается на месте.

В мифологических рассказах человек во время странствия его души может находиться в состоянии полусна-полубодрствования: «Я помню, одна была – себя видела. <...> Вижу – сама иду! Идет мимо, тем заулком [показывает] – туда [показывает]. Ну прямо сама иду. В желтом платке, белой кофте. Жуть взяла. Я лампу погасила, на печке в одеяло с головой завернулась – не знаю, как ночь перекоротала» [4].

Но чаще душа покидает тело человека, когда он спит. Так, в одной из бывальщин женщина видит двойника в облике председателя колхоза «в карауле ночном, до солнышка еще», т. е. в момент, когда сам председатель еще спит. То же выясняется и в других быличках: «Григорий Максимыч», «товарищ», которого рассказчик видел на верхней стороне реки, как выясняется, в это время еще только «стает одевается». По другому варианту, будучи разбуженным, появляется в «онных кальсонах». Значит, в обоих случаях, в лесу и на реке, рассказчик видел не своего товарища, а двойника. Душа, которая покинула тело спящего, оказалась узнанной по сходству, с ним сохраняемому, несмотря на свою эфирную субстанцию и призрачность.

Душа в виде двойника может покидать тело человека и по причине его тяжелой болезни. Так, по одному из мифологических рассказов, Катерину Савватеевну, которая уже две недели находилась между жизнью и смертью («в постели лежит и не встает»), односельчане видели в лесу [5. С. 463–464]. Естественно, это была не она, а ее дух-двойник.

Тем более такой персонаж может появиться перед смертью человека, чью копию он собой представляет. По словам одной рассказчицы, ее муж, находясь при смерти, видел мужчину, по облику такого же, как он сам, и в таком же костюме, какой был у него. Двойник махнул рукой абсолютно так же, как и его реальный «прототип», у которого было ра-

нение руки. Со словами «Тогда пошел» двойник вышел из избы. К утру муж рассказчицы умер [6].

И, наконец, совсем само собой разумеется, что душа-двойник совершает автономное странствие со смертью ее владельца: «“Ты, Сергей, один ходил в лесу-то?” – “Да нет, я не один ходил, а я ходил с Федором”. – “Да, с Федором... Да как же так ты с ним ходил, когда уже позапрошлый год он же умер в городе?”» [5. С. 226]. Или: «“Гляжу – против меня человек. Обездчик. А ён это уж покойный был <...>”. “Ой, – я [думаю]; – бездчик-то помер, откуда взялся-то”» [5. С. 336]. Окружающий мрак с его неопределенностью очертаний порождает визуальные галлюцинации. Иллюзии и ассоциации, стимулированные состоянием аффекта, приобретают специфическое выражение, направляемое соответствующим архетипом.

Данная версия образа основывается на представлениях, что после смерти человека его свободная душа, или двойник, покидает тело (труп) и переходит в мир мертвых, где ведет существование, сходное с укладом живых людей. При этом, по народным верованиям, она сохраняет сходство со своим прежним владельцем. Будучи обитателем загробного мира, душа умершего, воспользовавшись моментом, когда «размыкаются» миры, может в виде двойника-призрака странствовать по земле либо блуждать в медиативном пространстве. Причем христианские представления о «чисто антропоморфном образе души» [7. С. 415] внесли свою лепту в формирование фигуры двойника, персонифицирующей индивидуальную человеческую душу.

Заметим, что отголоски подобных воззрений, развернутые в мифологических образах, коллизиях и сюжетах, подспудно сохраняются в своем концентрированном виде и в лингвосознании, о чем свидетельствуют фразеологизмы: *душа не на месте – душа на месте; выйти из себя, находиться вне себя – прийти в себя; не терять присутствия духа, быть в хорошем / дурном расположении духа* и пр.

К категории «свободной души» относится и персонифицированная тень. Отбрасываемая человеком тень у многих народов считается вместе с тем его души [7. С. 414]. Известны многочисленные бывальщины, когда призрачный «товарищ» то следует за рассказчиком, то обгоняет его, оставаясь и в том и в другом случае недосыгаемым. Иную версию представляет собой сюжет, основанный на устойчивой модели: «Я пойду – он пойдет, я стану – и он станет». Например: «Вдруг окажется впереди человек. Я набегая – человек быстрее. Я набегая – человек быстрее. Думаю, что же такое? Догнать не могу: и уйти не уйдет, и ждать не дождет. Думаю, что же такое? <...> Стану немножко останавливаться. Как вижу, и “товарищ” останавливается» [5. С. 482]. В этом неуловимом, ускользающем «товарище» воплотились представления о душе-тени, осмысливаемой на этот раз в качестве двойника самого индивида. Данное

утверждение подкрепляется загадками о тени: «Ты от нее – она за тобой, ты к ней – она от тебя»; «То справа, то слева, то за спиной идет рядом со мной»; «Хоть весь день гоняйся за ней – не поймаешь» [8]. Здесь мы имеем наглядное проявление представлений об удвоении персонажа.

Выход души из тела, которая принимает конкретные очертания, может быть стимулирован словом, определяющим внешние признаки двойника, и особенно произнесением имени. В подобных случаях речь нередко идет о «феномене воображаемого компаньона», известном не только литературе, но и фольклору. В одной из бывальщин стоило женщине, которая находилась в лесу, на пожне, в одиночестве, высказать пожелание, чтобы сюда пришла ее кума Дуня, как та мгновенно и внезапно здесь и появилась: «<...> а вдруг эта кума и идет. Вот уж ей – она позвала тую, – дак идет. <...> и личность такая, всё, как соседка» [5. С. 413]. Разумеется, это была не кума, а ее двойник, имеющий тот же облик.

Отделение души от тела обуславливается, согласно народным верованиям, не только словом, но и мыслью. В мифологических рассказах устойчива коллизия: как только охотник, расположившись на ночлег в лесной избушке и находясь в состоянии полудремоты, заскучал по своей «дроле», так «девка» вдруг к нему и приходит. Подобным способом материализуется мысль, спроецированная на определенного человека. Желание действует как заклинание, оно исполняется буквально [9].

При рассмотрении типологического ряда двойников выясняется, что они в той или иной мере разнятся между собой. Одной из разновидностей является знакомый незнакомец, который, хотя какое-то время и фигурирует в мире людей, но остается совершенно отрешенным, отстраненным от него. На человека, повстречавшегося в лесу, знакомый незнакомец даже не взглянул – людей он как бы не видит. А если и взглянет, то ничего не скажет, не ответит, не отреагирует – загадочный двойник людей не слышит. Когда же, случается, что-то произносит, то невнятно, нечленораздельно, непонятно. Оказавшись «здесь», знакомый незнакомец как бы продолжает оставаться «там». Если же человек, проявляя излишнюю настойчивость, окликает его, приняв, к примеру, за своего брата, тот в ответ лишь грозит смельчаку «трёсточкой». Это знак грозного предостережения: контакт чреват опасностью, поскольку он не регламентирован ни ритуалом, ни этикетом. Подобный персонаж исчезает бесследно и так же внезапно, как и появился. Он растаял, словно снег, угас, подобно огню, потерялся, оставшись недосягаемым: «Словно пропал, провалился»; «а этот Иван сгас, его уж и не стало, он как растаял на месте», «теряется все», «вообще будто не было».

Вместе с тем знакомый незнакомец может отождествляться с лешим, и не просто с лешим, а с лешим, имеющим облик родственника и носящим его имя, иногда – отчество и/или фамилию. В этом качестве знакомый

незнакомец идентифицируется с мифическим предком. Согласно этой версии, он вступает в контакт с живущими на земле сородичами. Принадлежа иному миру, где сокрыты все начала и концы сущего, этот мифический двойник дает или отбирает у человека дорогу, которая символизирует его судьбу. Он без всяких затруднений может сообщить крестьянину весть о пропавшем в лесу человеке или о домашнем скоте. В качестве духа-покровителя и одновременно медиатора между мирами знакомый незнакомец укажет бедолаге переход на другую сторону реки, ассоциируемую в мифологическом сознании с некой внеземной сферой. И крестьянин сможет не только перебраться на противоположный берег, но и вернуться оттуда вместе с заново обретенной животиной. Уверенный, что в благополучном разрешении кризисной ситуации ему помог повстречавшийся родственник или односельчанин, хозяин возвращается домой. И только теперь выясняется, что человек, которого он видел в лесу, на самом деле там не бывал.

Таким образом, в основе образа знакомого незнакомца лежат различные анимистические представления. Связанные с этими воззрениями персонажи нередко совмещаются между собой. Переплетаясь и наслаиваясь друг на друга, они создают различные конфигурации интересующего нас образа. При этом всегда и везде в рассмотренном персонаже воплощается идея одухотворенности и дуализма явлений, динамическим равновесием которых, по народным верованиям, обеспечивается устойчивость мироздания.

Литература

1. Вундт В. Миф и религия / Пер. с нем. СПб., 1913.
2. Хангалов М.Н. Собр. соч. В 3 т. Улан-Удэ, 1959. Т. 2. С. 194.
3. Научный архив Карельского научного центра РАН. Первая цифра обозначает номер коллекции, вторая – порядковый номер текста в ней.
4. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор комментариев О.А. Черепанова. СПб., 1996. С. 41.
5. Криничная Н.А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. М., 2011.
6. Полесские и севернорусские материалы о домовом (материалы подгот. к печати Е.Е. Левкиевская) // Славянский и балканский фольклор. М., 2000. С. 393.
7. Токарев С.А. Душа // Мифы народов мира. В 2 т. М., 1980. Т. 1.
8. Загадки / Изд. подгот. В.В. Митрофанова. Л., 1968. С. 28.
9. Пропп В.Я. Мотив чудесного рождения // Пропп В.Я. Фольклор и действительность: Избр. статьи. М., 1976. С. 212.